

Глава 34. Одержимость

— Старшая сестра... — Бай Чжоу нагнал Юй Чжуан, когда они покинули дворик.

Заметив, что та совсем помрачнела, он окликнул её, но замялся, не зная, какие слова подобрать для утешения.

— Мы знаем старшего брата уже лет восемь или девять, — Юй Чжуан с горечью вздохнула. — Вместе взошли на Неподвижный пик. Все эти годы мы трое совершенствовались плечом к плечу — пускай не как неразлучные тени, но узы наши были крепки. А теперь послушай, что он говорит... Он ведь нам совсем не доверяет.

— Сестра, тебе не стоит так говорить, — Бай Чжоу помрачнел и заговорил строго. — Каждый человек в этом подлунном мире волен думать по-своему. Я знаю, что ты восхищаешься братом, и не виню тебя за то, что ты ищешь его внимания или хранишь ему верность. Но если ты затаила обиду лишь потому, что он не ответил на твои чувства, то брат Сян переносит этот навет безвинно.

Юй Чжуан разгневалась.

— Дело не в моей мелочности! — ледяным тоном бросила она. — Десять лет для практика — лишь капля в море, но сколько здесь пробыл этот Юнь Шэнь? Я кожей чувствую: брат относится к нему иначе, чем к остальным!

— Значит, парень того заслужил! — вспыхнул Бай Чжоу. — Ты ведь прекрасно знаешь, какая незаживающая рана на сердце у нашего старшего брата. Эта боль преследует его даже в снах, а ты осмелилась заикнуться о том, чтобы «понаблюдать» со стороны? Ты слишком легко к этому относишься, сестра. Брат не просто имел право тебе отказать — если бы он в душе проникся к тебе отвращением, это было бы вполне справедливо!

Юй Чжуан внезапно побледнела и мелко задрожала. Бай Чжоу, хоть и жалел её, не желал потакать её заблуждениям.

— Старший брат мягок с виду, но холоден сердцем, — бросил он напоследок. — К делам сердечным он безучастен. Прошу тебя, сестра, впредь думай, прежде чем что-то предпринимать.

Они разошлись в сумерках, так и не придя к согласию. Вскоре над пиком взошла луна. Сян Тянью сидел за столом, не сводя глаз с Травы Вопросания Сердца, которая медленно раскрывала свои лепестки.

Когда цветение достигло пика, реальность дрогнула. Комната преобразилась: исчезли стол и стулья, а верный Дао Цзун, стоявший за спиной, растворился в воздухе. Внезапно из-за двери

донёлся его голос:

— Молодой господин, тут пришёл какой-то малыш. Зовёт себя Ван Сяобао, говорит, принёс вам поесть.

Сян Тянью вздрогнул. Он обернулся и увидел, как пухлая детская ручонка толкнула дверь. Показалась половина личика.

— Можно войти? — робко спросил малютка.

Сян Тянью знал, что всё это — лишь морок, но он невольно ответил:

— Входи!

Сяобао хихикнул и перешагнул порог. С каждым его шагом облик мальчика стремительно менялся, пока перед Тянью не предстал статный подросток с тонкими чертами лица.

— Брат, — лукаво спросил он, — говорят, жену нужно выбирать добродетельную. Что скажешь обо мне?

В горле Сян Тянью встал ком.

— По-моему, ты — лучший выбор, — хрипло выговорил он.

Сяобао покраснел и бросился к Сян Тянью. Тот поспешно раскрыл объятия, прижимая к себе родную душу. Юноша ласково прильнул к нему, но стоило ему поднять голову, как изо рта брызнула кровь.

— Брат... — прошептал он, слабея. — Эссенция крови из сердца Облачного Руха... Это великое сокровище. Оно тебе поможет. Я добыл её специально для тебя... Никогда... никому не отдам...

Сян Тянью прослезился.

— Мне не нужна никакая эссенция, — запричитал он, пытаясь удержать ускользающую жизнь. — Только не делай глупостей. Живи, прошу тебя...

Но стоило ему договорить, как юноша в его руках растаял дымкой. Морок рассеялся, и Сян Тянью вновь оказался в своей каменной хижине. Внезапно кто-то поставил на стол горшок с лин-травой.

Вздрогнув, Тянью поднял взгляд. Перед ним стоял Юнь Шэнь. Тот едва заметно улыбнулся:

— Брат, эта Трава Вопросания Сердца тебе пригодится, вот я и решил её найти.

Сян Тянью резко вскочил, но Юнь Шэнь исчез. На столе осталась лишь увядшая, почерневшая трава.

— Дао Цзун... ты ведь всё видел?

Старый слуга шагнул из тени:

— Да, господин.

— Мне не слишком интересны эти травы. Моя одержимость — и люди, и события прошлого — мне и без того ясна как день. Лин-трава лишь заставляет меня заново проживать былую радость и боль... — Тянью замолчал, а потом нахмурился: — Но одного я не пойму: как в это видение затесался Юнь Шэнь?

Дао Цзун немного помолчал, обдумывая слова.

— Иллюзии этой травы рождаются из ваших собственных помыслов. Вы и раньше сомневались в личности этого юноши. Видимо, в глубине души вы всё ещё верите, что он и есть господин Бао.

Сян Тянью долго молчал.

— Твоя правда, — наконец вздохнул он. — Всё не могу смириться. Всё надеюсь, что Сяобао вернётся, пускай даже неприкаянным духом. Тогда, в Перевернутом озере, когда я нёс его к Вратам Бессмертных, я потерял сознание во время перехода. С тех пор, как очнулся, я искал его повсюду. Ни следа, ни тени... Я даже не смог поставить ему достойный памятник, ведь у меня нет ничего, что принадлежало бы ему.

— Господин, ушедших не вернуть. Не стоит терзать себя.

Сян Тянью мгновенно похолодел.

— А ведь когда-то ты сам говорил, что судьба Ван Сяобао отмечена небесами! Что он — моя путеводная звезда!

— Старый слуга не лгал. Эссенция крови из сердца Облачного Руха, которую он добыл ценой своей жизни, пробудила в вашем теле дремавшую кровь великих демонов. Она позволила вам взрастить зачаток Облика Великого Мудрого Царя. Такую божественную кровь не смог бы достать даже я. Разве Ван Сяобао не стал залогом вашего нынешнего величия?

— Если бы я мог знать наперёд, я бы ни за что не выбрал этот проклятый Облик. И уж точно не позволил бы Бао-эру приближаться ко мне. Тогда... он по крайней мере остался бы жив, а я не мучился бы день и ночь.

Дао Цзун покорно склонил голову и отступил. Сян Тянью тряхнул головой, отгоняя тяжёлые мысли.

— Я прогуляюсь. Не иди за мной.

Он поправил одежду и вышел, направившись напрямиком к хижине, где жил Чи Шэнь.

Ночь ещё не вступила в полную силу. Чи Шэнь встретил гостя с нескрываемой радостью. Распахнув дверь, он пригласил Сян Тянью войти.

— Бессмертный наставник, вы уже испробовали Траву Вопросания Сердца? — заботливо спросил он.

Сян Тянью сделал глоток ароматного чая и, проигнорировав вопрос, заметил:

— Чай отменный. Но куда ценнее этот чайник из бамбука, удерживающего дух. Он сохраняет саму суть листа, не давая ей испариться.

Чи Шэнь улыбнулся:

— Это вещица А-Жоу, она привезла её из своего поместья. Я мало смыслю в подобных изысках. А вот вы, наставник, человек просвещённый. Неужели вам не терпится узнать, какой узел завязался в вашей душе? Если это не какая-то вещь, то, верно, прекрасная дева, пленившая ваше сердце?

Сян Тянью невольно рассмеялся.

— Ну и наглец же ты... Разве не знаешь, что неприлично задавать такие вопросы? За подобное любопытство я мог бы прямо сейчас разгневаться и выставить тебя вон!

Но чем строже он говорил, тем меньше пугался Чи Шэнь. Юноша лукаво улыбнулся:

— Не знаю почему, но мне хочется быть к вам ближе. Если вас что-то гложет, я готов на всё, чтобы разделить вашу печаль. Я только об этом и думаю — даже свои дела забросил.

Слова Чи Шэня звучали настолько нежно, что могли бы сойти за признание юной девы. Сян Тянью на мгновение замер, в его голове пронеслось множество догадок. Он странно

усмехнулся.

— Твои слова звучат так, будто ты признаёшься мне в любви.

Чи Шэнь резко отшатнулся, едва не вскочив со стула. Он вспыхнул.

— Да вы издеваетесь! Я... я восхищаюсь вами, но это вовсе не то чувство! Разве нельзя просто ощутить родство душ с первой встречи?

— Родство душ... — Сян Тянью тихо рассмеялся, и Чи Шэнь не мог понять, что кроется за этим смехом. — Я больше верю в дружбу достойных мужей.

Чи Шэнь озадаченно моргнул:

— Что это значит?

— Дружба достойных мужей чиста как вода. Если же кто-то с порога пылает ко мне страстью, это всё равно что лёд на сердце — только дрожь пробирает, — он посмотрел на собеседника с холодом, совсем не похожим на его обычную мягкость.

Сердце Чи Шэня кольнуло обидой. Его упрямый нрав тут же взял верх. Он встал и резко бросил:

— В таком случае, считайте меня обычным корыстолюбцем, который лезет к вам ради выгоды. Будет у вас доброе настроение — одарите какой-нибудь безделушкой. А не будет — просто гоните прочь.

Сян Тянью смягчился и горько усмехнулся.

— Ну и характер... Столько злости из-за одной моей фразы. Можно подумать, это ты здесь бессмертный наставник, а я — твой слуга.

Чи Шэнь отвернулся и буркнул, теребя край халата:

— Сами ведь сидели с таким лицом, будто я в чём-то провинился.

Как говорится, на каждую силу найдётся своя управа. Сян Тянью понял, что с этим юношей спорить бесполезно. Он и сам не мог объяснить, почему так много ему прощает. Но вспомнив видение из Травы Вопросания Сердца, он невольно оттаял.

— Ты просил взять тебя в Морское поместье Цюнлинь. Я согласен. Выходим в середине месяца,

так что приготовься.

Чи Шэнь наконец просиял. Но когда Сян Тянью ушёл, юноша долго не мог успокоиться. О том, чтобы медитировать, не могло быть и речи — мысли путались, а в груди клокотало беспокойство. Он вышел из хижины, надеясь поговорить с А-Жоу, но у самого её порога замер.

«И что я ей скажу?» — с иронией подумал он. — «Разве девчонка сможет меня понять? Совсем я голову потерял».

Следующие несколько дней прошли спокойно. Настал день отъезда. Группу Неподвижного пика возглавляли двое старейшин; их сопровождали трое учеников, у каждого из которых был свой слуга. Среди них Чи Шэнь был единственным мужчиной в роли прислужника. За Юй Чжуан следовала стройная женщина с заурядным лицом, но её дыхание было ровным и глубоким — признак огромной внутренней силы. Сян Тянью уже предупреждал Чи Шэня: эта женщина, хоть и числится служанкой, на деле — личный телохранитель, практик стадии Сущности Духа, не уступающая в силе своей госпоже.

Спутница Бай Чжоу тоже оказалась не промах — красавица на пике стадии Заложения Основ. На их фоне Чи Шэнь выглядел самым слабым звеном.

Лин Юй дал последние наставления, и старейшины повели отряд к подножию, чтобы воссоединиться с представителями остальных семи пиков. Вскоре внушительная кавалькада из шестидесяти человек покинула пределы школы.

<http://bllate.org/book/17417/1662422>